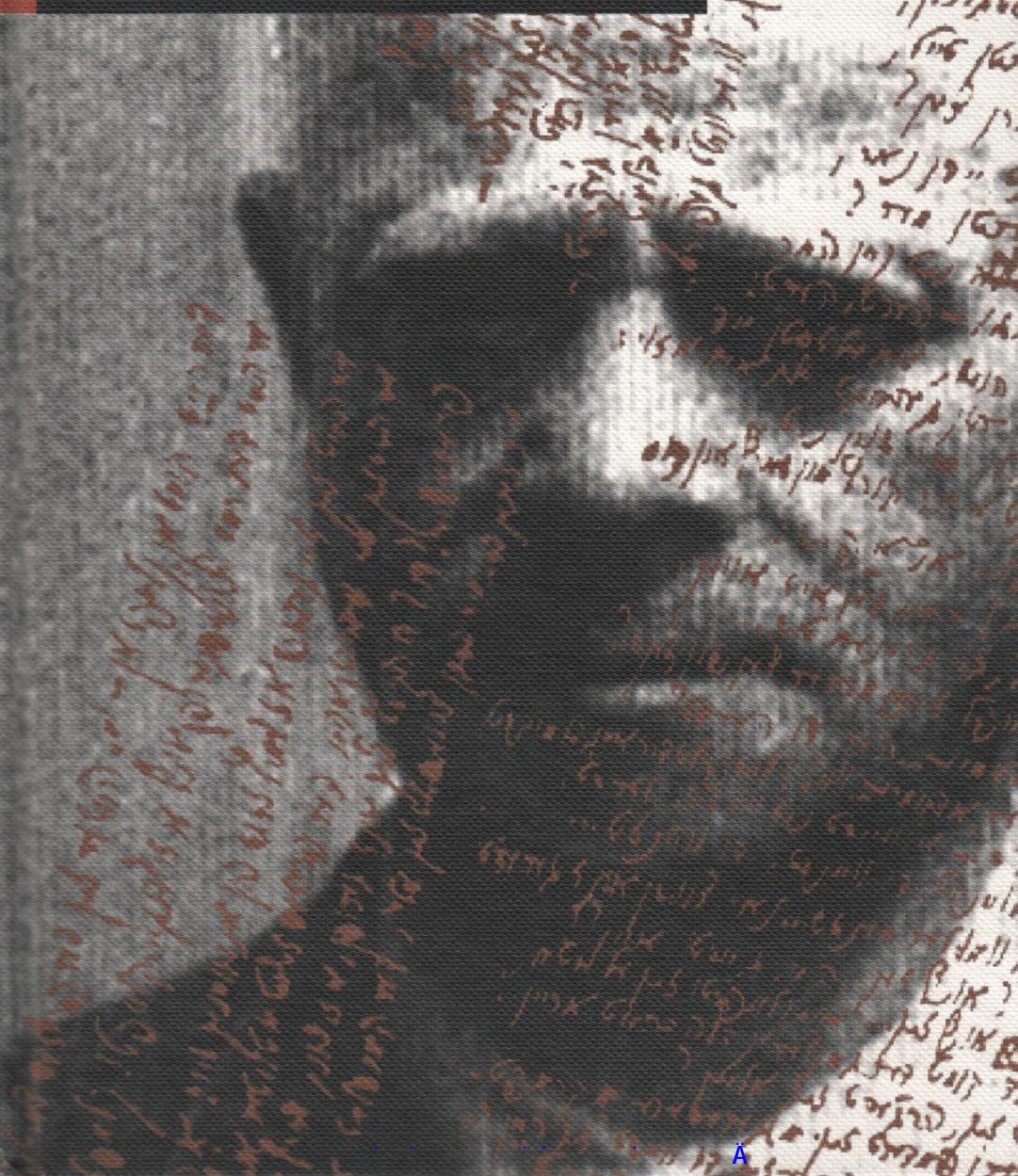

Ицхак Каценельсон

Сказание

об истребленном
еврейском народе

Ицхак Каценельсон

*Сказание
об истребленном
еврейском народе*

Jizchak Katzenelson

*Dos lied
vunem ojsgehargetn
jidischn volk*

“ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ”
МОСКВА 2000

ББК 84(0)6
К 12

Выход этой книги стал возможным благо аря участию
Artur Brauner, Berlin
Moritz Gertler, Frankfurt
Celina Kowalsk , Berlin
Arno Lu t ger, Frankfurt
Leon Reich, Frankfurt
Rafael Roth, Berlin

Каценельсон Ицхак

К 12 Сказание об истребленном еврейском народе *Dos lied vunem ojsgehar getn jidischn volk* Пер. Е. Г. Эткінда под ред. Ш. Маркиша; Лат. транскрипция, ст. и comment. А. Лустигера; Ст. В. Бирмана. М.: Языки русской культуры, 2000. 240 с.: ил.

ISBN 5 7859 0107 2

Поэт Ицхак Каценельсон родился в 1886 г и погиб в мае 1944 г. в Освенциме. В конце 1945 г поэма была впервые опубликована в Париже на идиш. В поэме безусловность и не посредственности дневника сосуществует с эмоциональной не отразимостью искусства. Вся она достоверное свидетельство человека, испытавшего каждую леденящую кровь деталь своего изложения

ББК 84(0)6

В оформлении издания используется фотография из книги The Warsaw Ghetto: The 45th Anniversary of the Uprising Interpress Publishers Poland. 1988

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246 20 20 c/o M153, E-mail: koshlev ad @mtu net ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0107-2

9 785785 901070 >

- © Е. Г. Эткінд Перевод на рус. яз , 2000
- © А. Лустигер. Статьи и комментарии, 2000
- © В. Бирман. Статья, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

О г л а в л е н и е

Об авторе и его поэме	7
От переводчика	9
И. Каценельсон.	
Сказание об истребленном еврейском народе	
(<i>Dos lied vunem ojsgehargetn jidischn volk</i>)	13
А. Лустигер.	
Примечание к поэме Каценельсона	
и ее фонетической транскрипции	191
А. Лустигер	
Комментарии к тексту поэмы	194
А. Лустигер.	
Еврейское сопротивление нацистскому режиму	201
В. Бирман.	
Ицхак Каценельсон, еврей	213

От переводчика

Книга Ицхака Каценельсона «Сказание об истребленном еврейском народе» (окт 1943 — янв 1944) появилась в Германии в 1994 году, вышла она на двух языках. в оригинале, на идише, и в переводе Вольфа Бирмана по-немецки Текст на идише напечатан в латинской транскрипции с многочисленными рукописными примечаниями — лингвистическими, реальными, историческими. Таким образом, я мог беспрепятственно его читать. Начав, я был не в состоянии ни остановиться, ни даже отвлечься — поэма затягивает, будоражит все чувства, ошеломляет, потрясает.

За более чем полвека об истреблении евреев, об Освенциме и Треблинке написаны тома воспоминаний и исследований, об этом снят документальный фильм Жака Ланцмана «Шоа», создано стихотворение Пауля Целана «Фуга смерти». Называю только важнейшие документы и свидетельства проклятои эпохи, сатанинских лет гитлеризма, когда германская нация была сведена с ума несколькими фанатиками-демагогами и превратилась в многомиллионную банду садистов, вандалов, убийц. Пишу эти строки и сознаю, что нет никаких слов — ни на одном человеческом языке,— чтобы назвать люди тридцатых-сороковых годов, которые с неправдоподобной систематичностью уничтожали других людей,— от новорожденных младенцев до глубоких стариков. Несмотря на усилия множества историков, философов, беллетристов, социологов, поэтов, мы так и не поняли, как соотечественники и наследники Гете, Рильке, Моцарта, Шуберта, Гегеля могли с воодушевлением призывать к уничтожению Гейне, Мендельсона, Малера, Ханны Арендт, Целана. И не только призывать, но и физически истреблять евреев всей Европы. Может быть, самая ужасная книга, созданная об этом,— опубликованный в Германии в конце девяностых годов дневник Виктора Клемперера, профессора Дрезденского университета по французской литературе, апологета немецкой культуры и хранителя немецкого языка Клемперер изо дня в день повествует (обращаясь не к читателям, а только к самому себе) о постепенном вытеснении евреев из Германии — оно начинается с запрета про-

фессору-еврею задавать вопросы студенту-ариицу, с запретов еврею печатать на машинке и даже владеть таковой, держать домашних животных и птиц, ходить по левой стороне улицы, брать книги в библиотеке и даже перелистывать их в читальном зале, оно кончается депортацией и смертью в газовой камере. Виктор Клемперер чудом остался жив, чудом сохранился дневник, опубликованный его близкими через почти пятьдесят лет; этот дневник — феноменальный документ времени и памятник мужеству человека, который отнюдь не был героем.

Ценность дневника — в его абсолютной непосредственности: он не имеет никакого отношения к литературе, он только закрепляет события в набегающих словах, не догадываясь о будущем. Мы бедны словами: глагол «читать» относится одновременно к роману, стихам и дневнику. А ведь имеют место совершенно разные психологические процессы: читая роман, мы следим за жизнью придуманных персонажей, постоянно зная, что они — плод писательского воображения; читая дневник, мы живем вместе с его автором, замещаем его, невольно отождествляем себя с ним. Читая стихотворение, мы заражаемся художественной эмоцией поэта, мы вместе с ним творим гармонию. После того как я, с бессонницами и головной болью, пережил двенадцать лет жизни Виктора Клемперера, я долго не мог заставить себя вернуться к другому чтению, к восприятию романов: дневниковая достоверность убивает всякий интерес к писательскому воображению; может ли роман соперничать с реальностью?

* * *

В поэме Ицхака Каценельсона безусловность и непосредственность дневника сосуществуют с эмоциональной неотразимостью искусства. Все то, о чем еврейский поэт пишет в своем «Сказании..», он пережил сам. Рассказано о том, как он когда-то писал пьесу для Варшавского сиротского дома, как эту пьесу исполняли мальчишки, кто и как играл ту или иную роль и

даже какая судьба постигла родители юных актеров. Мы узнаем о жене автора Хане об их детях о возрасте и характере каждого из трех сыновей, о мужественном поведении Ханы в дни немецкой оккупации Польши — о ее решении взять на себя ответственность за судьбу мальчиков лишь бы предоставить мужу хоть какую-то шанс на спасение. Мы узнаем о гибели семьи, — поэт не щадит ни себя, ни нас. Каценельсон рассказывает о юденратах и о председателе правления общины покончившем с собой о невообразимой деятельности еврейских «полицаев», о восстании в Варшавском гетто и некоторых его руководителях и героях, о возвращении спасшихся, казалось бы, евреев беглецов к себе домой — чтобы умереть там где выросли их дети и внуки. Всё это — достоверные свидетельства человека, испытавшего каждую леденящую кровь деталь каждого эпизода своего изложения.

Поразительно, однако вот что перед нами в то же время поэма, построенная на основе строжайших законов художественной гармонии, пятнадцать песен по пятнадцать строф в каждой, $15 \times 15 = 225$. Первые восемь песен состоят из четверостиший с перекрестными рифмами, причем почти все рифменные окончания — мужские, вторая половина поэмы — семь песен, содержащих восьмистroочные строфы, в которых рифмуют четвертая строка с восьмой. Каждая песня посвящена отдельной теме, каждая обладает сюжетно-тематической и образной целостностью. В зависимости от тем и сюжетов видоизменяется поэтический стиль: некоторые песни выдержаны в духе торжественной библейской патетики, другие — в духе повествовательной разговорности, трети обладают чертами лирического стихотворения, четвертые построены по законам драмы. Всё это разностилье сливается в эпическом единстве «Сказания», оно восходит в конечном счете к Дантовой «Божественной Комедии», с которой поэму Ицхака Каценельсона роднят и соединение документальной основы с поэтическим вымыслом, и гармоническое совершенство художественной композиции, и взрывчатое сочетание разных, порою противоречивых, речевых стилей.